ТЕАТРАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ
Народного Комиссариата по Просвещению.

М
О

АЛЕКСЕЙ ОКУЛОВ.

ТАМ, ГДЕ СМЕРТЬ.

Эпизод гражданской войны
в одном действии.

Цена 4 р. 50 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва.—1919

ИЗДАНИЯ ТЕАТРАЛЬНОГО ОТДЕЛА

Народного Комиссариата по Просвещению.

Москва,
Тверская, 12 (Центр. Книжн. Склад ТЕО).

Петроград,
улица Халтурина, 27 (бывш. Миллионная, 27).

ВЫШЛИ В СВЕТ:

Временник. Выпуск I. Цена 2 руб.
» » II. Цена 3 руб.
Сборник «Игра». Выпуск I. Цена 5 руб.
» » » II. Цена 8 руб.
Сборник Историко-Театральной Секции. Том I. Цена 40 руб.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ ДРАМАТИЧЕСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

Островский—П. О. Морозова.
Пушкин—Его же.
Тургенев—Его же.
Фонвизин—П. Гнедича.
Гете—Н. А. Холодковского.
Гоцков—П. О. Морозова.
Дюма-отец—В. Чудовского.
Скриб—Его же.
Софокл—Ф. Зелинского.
Шиллер—П. О. Морозова.
Эврипид—Ф. Зелинского.
Эсхил—Его же.

Цена каждого очерка 50 коп.

РЕПЕРТУАР.

РУССКИЙ ТЕАТР:

Бедность не порок—А. Н. Островского. Цена 4 руб.
Бесовское действо—Алексея Ремизова. Цена 4 руб.
Бывые соколы—А Писемского. Цена 10 руб.
Борис Годунов—А. С. Пушкина. Цена 8 руб.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ
Народного Комиссариата по Просвещению.

АЛЕКСЕЙ ОКУЛОВ.

ТАМ, ГДЕ СМЕРТЬ.

Эпизод гражданской войны
в одном действии.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
Москва.—1919.

2008

М Р
О

Никем из книгопродавцев означенная на книге цена **не может быть повышена.**

Государственное Издательство.

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА
1200 63574
28

Вторая Государственная типография, Трехпрудный, 9.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Командующий.
Сомов, военный комиссар.
Рогов, начальник отряда.
Анна Рогова, жена его.
Бабушка.
1-ый дезертир.
2 ой дезертир.
3 ий дезертир.
4-ый дезертир.
1-ый боец.
2 ой боец.
3 ий боец.
4-ый боец.
Тяжело раненый боец.
Молодой солдат.
Старый солдат.
Сяавин
Львов } Служащие в штабе.
Попов
Девушка

Красиков.
Василий Васильевич.
Провокатор.
Дама в платочке.
Сплетница с острым носом.
Сплетник в шляпе.
1-ый ординарец
2-ой ординарец.
Посыльный.
Два солдата-мальчика.
Засыпающий.

Прохожие граждане, женщины, старики, дети, солдаты, сплетники и сплетницы; бойцы, раненые; комендантская команда штаба, чины штаба.

Небольшой городок; пустырь у дома, где помещается штаб. На пустыре разбросаны сломанные двуколки, походные кухни, разный военный хлам. В раскрытые окна из штаба изредка доносится треск телеграфных аппаратов, вой фонопоров, крики в телефон.

Иногда долетают звуки подъезжающих мотоциклетов, автомобилей; топот лошадей скачущих ординарцев; быстро проходят туда и сюда посыльные. Вечереет; угасает солнце ранней весны; холодно.

На пустырь с улицы и через дыры в заборе из соседнего двора заходят прохожие, останавливаются кучками, разговаривают, опять расходятся. Чувствуется все более распространяющаяся тревога.

По мере нарастания опасности, возрастает злоба и раздражительность одних, молчаливый страх с открытыми глазами у других, суетливая растерянность третьих; или иные нарочно размеренным спокойствием движений прикрывают внутреннее напряжение, старательно занимаются мелочами, ища в них забвения: а некоторые усилием воли опустошают сознание, доводя себя до смеха и беззаботности.

На груде мусора сидит, закутавшись в шаль, Анна Рогова, рядом с ней Бабушка. Вблизи их, одетый в затасканную солдатскую шинель, уныло поместился Красиков. Сомов сидит—отдыхает, курит, болтает

ногами и осматривается кругом. Среди сменяющихся прохожих снует дама в платочке, Сплетница с острым носом, сплетник в шляпе; бродит Василий Васильевич; суетятся другие сплетницы и сплетники.

Красиков. Война, война... И я служил, пока мог. Я ничего не боялся. Вы не верите? А потом вдруг стал бояться. Однажды снаряд залетел к нам в вагон и голову товарищу оторвал так, что мозги по вагонной обшивке потекли, а меня тяжко ударило о стену. С тех пор я стал бояться. А может быть, и не поэтому стал бояться. Теперь боюсь, очень боюсь... И злоба, злоба... Расшевелили людей, как гнездо ос... Когда же конец?.. А у меня ребеночек, жена, знаете, в тылу, в одном городке. Когда-то увижу их! Милый ребеночек—девочка, ей уже четыре года... А отсюда никак не могу пропуска достать вот уже четвертый день, почему—не знаю.

Анна Рогова. Бабушка, слышишь ты? Пусть меня оставят здесь вместе с товарищами. Я так прошу об этом.

Бабушка. Куда же тебе, глупенькая? Через час, может, родить будешь, последние времена дитя донашиваешь. Уезжай, не то ребенка своего погубишь, молодую жизнь. Я остаюсь,—так я старая, я смерти жду. А ты уезжай, любезная, на телеге или как... Муж попросит начальство, муж твой все равно что офицер, он найдет для тебя подводу.—Ой, что-то тяжело на сердце, чуется что-то... Обязательно уезжай.

Анна Рогова. Нет, бабушка.

Бабушка. Уезжай, говорю, поверь мне, старенькой.

Анна Рогова. Нет, бабушка. Подумай сама, как я могу мужа и товарищей бросить? Ну, подумай?

Бабушка. А если ребенка искалечишь? Что тогда?

Анна Рогова. Я всеми силами буду его беречь.

Бабушка. А вдруг не сбережешь?

Анна Рогова. Бабушка, не говори... Ты так мучаешь меня, если бы ты знала.

Бабушка *(Сомову)*. И тебе бы, батюшка, с ней ехать. Тебя держать не будут,—сам в армию добровольно пошел... А ее бы довез до хорошего места.

Сомов. Я по-своему тоже настоящий солдат, бабушка, и не могу уехать. Я—комиссар.

Василий Вас. Недавно вы литератором были, писали что-то—стишки или прозу.

Сомов. А теперь я просто солдат, и все.

Василий Вас. Новый вид творчества! *(хохочет)* Революция, будущее... Я выбросил его из души. Я вижу кровь, взаимную несправедливость. Человечество дичает, грязь и вонь, гибель женщин, детей, стариков,—все сносится потоком... А я? Что я должен делать среди всего этого?

Сомов. Да, это—поток. Люди кружатся и несутся, как щепы в половодье.

Василий Вас. А я? Что же мне прикажете делать? Лично мне?

Сомов. Какой вы забавный! О судьбах целых народов некогда думать, а вы хотели бы, чтобы люди о вашей судьбе думали. Ведь это несообразность.

Василий Вас. Это возмущает меня. Я человек, а не глина, чтобы итти на замазку. Я—личность!

Сомов. Если вы личность, так проявляйте себя чем-нибудь, кроме нытья. Иначе на колесную мазь пригодитесь—для колес истории. *(Уходит в штаб.)*

(Дама в платочке сходится со Сплетником в шляпе.)

Дама в платочке. Слышите, как все просто у них решается?.. Ну, как же вы живете?

Сплетник в шляпе. Еще раз уплотнили. У жены перину взяли, у меня сапоги.

Дама в платочке *(хохочет)*. На нужды армии?

Сплетник в шляпе. Что вы смеетесь? Что тут смешного?

Дама в платочке. Товарищ Марья, принесите самовар *(смеется)*.

Сплетник в шляпе. Ах, как смешно, что так с хамами приходится разговаривать... Не постигаю вас. Как вам не стыдно потешаться,—вы из дворянского семейства, могли бы понимать.

Дама в платочке *(наклоняется к нему)*. Недолго им осталось царствовать.

Сплетник в шляпе. Хорошо бы. Но где уж... Едва ли...

Дама в платочке. Их царству осталось—несколько часов. Приготовьтесь к приходу наших. Работайте же... работайте.. на общее благо.

(Входят два солдата, старый и молодой).

Молодой солдат. Дай-ка табачку, да и огоньку тоже дай... Говорят, дезертиры склад грабят.

Старый солдат. Шут их знает, я их не видел. Мало ли что говорят. Говорят, что кур доят.

(К ним подходит Сплетница с острым носом.)

Сплетница с острым носом. А правда, что патроны задерживают? Что будто бы патронов не хватает?

Старый солдат. А ты откуда знаешь? Тебе много патронов в сутки надо?

Сплетница с острым носом. А правда, что на позициях раненые от червивых ран помирают без помощи?

Старый солдат. Брехня.

Молодой солдат. А кто его, брат, знает. Коли говорят, так, может, и есть что-нибудь на самом деле.

Сплетница с острым носом. А вот я сейчас разузнаю, у знакомых окончательно разузнаем...

Дама в платочке. Анна Марковна, вы куда? *(Тихо. Сплетнице с острым носом).* На площади у церкви народ собирается. Идем туда. *(Уходят.)*

Старый солдат. Шут их подери, мы на досуге вшей ловим, а они за нас все знают, что в окопах у нас делается. *(Входят Славин и Львов; с ними Девушка.)*

Девушка. Вот, я и проводила вас...

Славин. Побудьте еще немного с нами, до смены дежурства остается еще несколько минут. Посидите с нами, пожалуйста.

Девушка. Хорошо...

Львов. Так вот вы говорили о ценности любви для солдата. Но любить—некогда. Даже смешно и странно любить в наше время. В кого быть влюбленным, ежели человека нет, он стал песчинкой среди песка? А кругом этого—крики и вой и битва, и Бог знает—что еще... Собственно, на войне есть только одна любовь: это в холодную ночь в окопах, дрожа от стужи, улечься рядом с соседом, как два волка, чтобы стало теплее,—и лежать так под угрозой смерти, под огнем.

Славин. Как я устал, если бы вы знали, милая де-

вушка. Подумайте,—вечно спешить, с чем-то бороться, вечная ответственность... А если бы вдруг можно было ничего не делать, никуда не спешить,— какое было бы счастье и отдых!

Девушка. Но так трудно теперь надеяться на это... Разве возможно?

Славин. Прошлой зимой я ездил в тыл с поручением. Мой поезд засыпало снегом, завьюжило его, закутало в седые пряди,—море снега... Так мы простояли три дня. В моем вагоне проводники возились с дровами у печки; приходили греться кондуктора, начальник полустанка .. Что было в эти три дня в мире, за пеленой снегов, я не знал. Такой был отдых и наслаждение... Милая девушка, вам это непонятно, вы это считаете слабостью? Или думаете, что я душою чужд Революции?

Девушка. Нет, мне так жаль вас всех, вы все так устали. Я не знаю, откуда вы еще берете сил... Но что же делать? Как помочь?

Славин. Никак нельзя помочь. Надо драться до конца, один исход.

Львов. Пора на дежурство. Идем.

(Славин и Девушка молча и долго прощаются. Потом она медленно уходит в город. Львов встречает входящую группу дезертиров.)

Львов. Откуда вы?

1-ый Дезертир. С фронта.

Львов. Почему же ушли? Кто позволил?

1-ый Дезертир. Позволять некому было. Всех нас к чорту разбили. Мы еле спаслись—последние. Глядь—побежали, а противник следом гонит.

Львов. Что вы говорите! Это же неправда!

1-ый Дезертир. А ты с нами пороху понюхал бы, узнал бы, что порох правдой пахнет.

Славин. Лгут все, дезертиры. Пойдемте. Надо о них комиссару сказать.

(Славин и Львов уходят в штаб.)

Сплетник в шляпе. Где разбили вас, как?

1-ый Дезертир. Как да как... Очень просто. Тех, что дрались, и тех, что отступали,— всех к чорту.

Сплетник в шляпе. Почему же так случилось? Кто-нибудь виноват?

2-ой Дезертир. Господи Боже мой, да разве возможно было нам победить? Да разве столько у противника силы, сколько у нас! Эх!

Сплетник в шляпе. А много у них сил?

2-ой Дезертир. Втрое больше.

3-й Дезертир. А начальники наши—горе. Куда им— только под ногами мешаются. Какая уж тут победа!

(Понемногу опять группируется толпа; среди толпы Дама в платочке и Сплетница с острым носом.)

Сплетник в шляпе. Пожалуй, что правда. Победить трудно.

Сплетница с острым носом. Ну вот... Ну вот... Я говорила, я предсказывала!

Дама в платочке. А когда придут белые? Вы знаете— когда?

1-ый Дезертир. Меня они не извещали...

2-ой Дезертир. Я все потею, потею... Совсем забежался. Братцы, нет ли глотка водицы выпить?

Анна Рогова *(тихо).* Что-то нехорошо мне, бабушка, больно...

Бабушка. Пойдем, сейчас же пойдем. Вставай ка, я помогу...

Анна Рогова. Нет, пройдет, это так; это у меня не раз бывало... Через минуту будет легче.

3-й Дезертир. А что дома теперь, в семье, в хозяйстве—руки опускаются.

Сплетница с острым носом. И когда все это кончится? Когда ваши семьи и хозяйства страдать перестанут? И кто эту войну затеял—друг на друга, брат на брата?

2-ой Дезертир. Правда, что брат на брата. И конца краю не видно.

4-ый Дезертир. Чорт бы побрал эту гражданскую войну!.. У меня вот старые раны раскрылись, которые на царской войне получены.

2-ой Дезертир. Эх, елова голова, пиши пропало—заедят тебя, как муху. Знай, приказы исполняй!

4-ый Дезертир *(кричит)*. А ну их с приказами! Будет с меня приказы исполнять! Не желаю! Болен я...

Сплетница с острым носом. И правильно, что не желаете. Что в самом деле, люди вы или животные?

Сплетник в шляпе. Со стороны глядя,—так жизнь животных лучше. Баранов силой не гонят на войну.

Дама в платочке. Удивительно покорны люди —что хотят с ними, то и делают. А они идут как быки на бойню.

1-ый Дезертир. К чорту войну! Долой начальников! Товарищи, да что в самом деле? Побросаем ружья, идем домой! Кончаем разом это безобразие! Идете, что ли, со мною, товарищи?

Голоса. Что, в самом деле! Вали домой, ребята! Что на них смотреть? Не больно испугались... Вали, ребята!..

Довольно нас помучили! Довольно крови нашей пролилось! Домой, домой, ребята...

(Гурьбой направляются по улице мимо штаба. Навстречу им Сомов.)

Сомов. О чем кричите, товарищи? Откуда, куда отправились?

1-ый Дезертир. А тебе какое дело?

Сомов. Я комиссар, я должен знать. Стой!.. Куда идете?

4-ый Дезертир. Да что его слушать, братцы? Что стали? Довольно петрушек этих наслушались!

1-ый Дезертир. Долой его, братцы! Гони его!

2-ой Дезертир. По загривку его, елова голова!

3-ий Дезертир. В шею его! Хлеб у нас в деревнях задаром брать. А? Ребята, берись за винтовки!.. Ребята!..

(Общий гул. Сомов вбегает на крыльцо штаба.)

Сомов. Стойте! Молчать, предатели! Я команду вызову... Я стрелять буду... Стойте! Так-то вы рабоче-крестьянское дело защищаете? Одни на фронте истекают кровью, а вы в тылу предаете их? Вы других смущаете? Вы первые прибежали сюда; это вы принесли лживую и подлую весть о поражении... Так всегда прибегают первыми те, кто держался подальше от опасности, кто смотрел издали, кто уклонился от боя, — это они прибегают первыми и лгут, чтобы оправдать свою подлость, лгут о том, что всех разбили, что все бежали, что битва потеряна... Лгут, чтобы товарищи не наплевали им в подлое лицо!.. Кого вы на фронте бросили, кому помогаете? Стойте — или смерть!

1-ый Дезертир *(нерешительно)*. Да что же мы стали, братцы?

Сомов. Молчать! *(Спускается с крыши.)* Давайте оружие... Эй, отбирайте у них винтовки! *(Несколько старых солдат отбирают оружие.)*

2-ой Дезертир. Ты что мне кости ломаешь? Эй'.. Это старый режим.

Старый солдат. А нового ты, сопляк, и часа не выдержишь

Сомов. Постройтесь здесь. Эй, ординарец, вызвать сюда караул.

4-ый Дезертир. Да мы не коммунисты. Мы мобилизованные...

Василий Вас. *(хохочет)*. На заре всемирной революции!.. Забавно!

Сомов *(подходит к нему)* Если будете мешаться не в свое дело, я вам череп раскрою.

(Возвращаются старый и молодой солдат.)

Молодой солдат. Это какие-такие? Дезертиры? Вишь, сволочи. Перевешать бы их на осине, чтобы другим неповадно было.

Старый солдат. Не бойся, вот придут те самые, которых они на фронте бросили, те с ними поговорят по-своему.

Молодой солдат *(подходит к дезертирам)* Что, малость стыдно вам? Пятки салом намазали, да домой? Да вместо дома на выставку попали?

1 ый Дезертир. Проходи... Проходи, говорю... Щенок.

2-ой Дезертир. Сам хуже будешь. Проваливай.

Красиков *(Сомову)*. Как вы беспощадны к ним.

Сомов. Слишком мало нас щадят. Если мы не будем беспощадны, жизнь беспощадно нас казнит. Вот и все. *(Уходит в штаб.)*

Бабушка. Аннушка, лучше ли?

Анна Рогова. Лучше.

Красиков. Может быть, в штаб за Роговым сходить,

Анна Рогова. Ах, нет, не нужно. Он запретил мне это. Он так рассердится... Если мне будет очень худо, если меня унесут отсюда, передайте ему, что унесли... и куда унесли. *(Из штаба выходят Рогов и Попов.)*

Попов. Едва дотянул до конца дежурства, спину ломит; я ослабел эти дни, хочу спать. Я три дня не умывался *(Тихо.)* Не ладно на фронте?

Рогов. Сплошной вопль с позиций: еще резервов, еще носилок, еще санитаров... А где их взять?

Попов. Мне кажется, мы погибаем. Вы знаете, что делается на телеграфе в штабе? Связь с соседними дивизиями порвана, противник включился в сеть наших телеграфных и телефонных аппаратов. Он пронизирует нас, лжет, возбуждает панику. Эти ужасные вопли по телеграфу: мы окружены, мы погибаем, спасите!. Какая получается путаница распоряжений, какая неразбериха... Я не знаю, как мы переживем эту ночь.

Рогов. Ну уж... Идите домой, поешьте, поспите, отдохните... Все переживем.

Попов. Страшно отступать, эвакуироваться.. От этой мысли меня берет холод *(Слышен рев автомобиля: скачут ординарцы.)*

Попов. Слышите, слышите, как засуетились. Что это означает?

Рогов. Идите поскорее спать.

Попов. Вы что то хотели сказать мне?

Рогов *([illegible])*. Да. Извините, я не задержу... Для меня говорят приказ, я еду с опасным заданием — прорваться к соседней дивизии; это еще могло бы спасти нас, если уже не поздно... Я хочу просить вас о жене; она останется одна и ждет ребенка... В случае чего, помогите ей, чем можно... Вы обещаете?

Попов. Да.

Рогов. Я могу быть уверенным?

Попов. Да.

Рогов. Спасибо, спасибо... Вы знаете нашу квартиру?

Попов. Да... Но кажется, ваша жена вон там... До свиданья... если доживем до него.

Рогов *([illegible])*. Идите спать. *(Рогов идет к жене. Попов в изнеможении опускается на какой-то обломок).*

Попов. Заснуть бы, отдохнуть...

Рогов *([illegible])*. Зачем ты здесь, Анюта? Почему ты не уходишь домой?

Анна Рогова. Я не могу уйти. Ты здесь, ну, как я могу?

Рогов. Анюта, это меня мучит, я не могу, чтобы ты оставалась здесь, я прошу тебя, —уйди сейчас же...

Анна Рогова. Подожди минутку, одну минутку, не спеши... Подойди сюда поближе. Как ты худеешь, стареешь, никогда не спишь... Твои глаза и щеки ввалились и запали. Мне кажется, что твои волосы растут слишком быстро; волосы стали совсем черные, потому что твои щеки так бледны...

Рогов. Ты обещаешь мне уйти?

Анна Рогова. Скажи, пожалуйста, откровенно,—ничего страшного нет? Наши войска не разбиты? Не все еще

погибло? Ах, почему такая тревога кругом, так болит сердце... Почему все так взволнованно шепчутся, что совершается? Скажи же, ради Бога... *(Рогов молчит.)*

Рогов. Зачем ты волнуешься? Идут бои, немножко лучше, немножко хуже — как всегда... В чем дело? Ты напрасно придаешь всему значение.

Анна Рогова. Боже мой, ведь это же слова, разве я не понимаю... Посмотри мне в глаза, ну, посмотри же!.. Нет, не верю.

Рогов. Перестань. Твои губы дрожат, ты должна успокоиться. Я говорю тебе,—ничего не бойся. Мы победим, обязательно победим. Еще раз посмотри на меня,—ты видишь: я правду говорю. Разве такие, как мы, могут не победить? Разве мы чего-нибудь боимся?

Анна Рогова. Господи, я не о боязни... Я благословляю тебя всем сердцем, всею моею любовью... Я бы вынула мое сердце и отдала бы тебе... Как оно болит, как болит...

Рогов. Успокойся, это необходимо, ты должна успокоиться—ради ребенка... Ради меня... Ради будущего... И—уходи, сейчас же уходи домой! *(Из штаба выходит посыльный.)*

Посыльный *(кричит)*. Где товарищ Рогов? Командир требует. *(Рогов обнимает жену.)*

Рогов. Ты моя радость, я помню тебя всегда, всюду в бою. Знай это. Береги себя и **его**... Я умоляю тебя,—уйди. Я скоро буду дома. *(Уходит. На горизонте поднимается зарево.)*

Василий Вас. Что там? Что такое? Смотрите, смотрите,—горит...

Посыльный. Склад загорелся. А может быть, нарочно подожгли, чтобы никому не достался.

(С улицы входит группа истомленных, израненных бойцов; в их глазах еще теплится ужас смерти и перенесенного поражения; их одежда в грязи и лохмотьях; руки дрожат, волосы всклочены; они тащат свои винтовки, как ненужный груз.

Вслед за ними тихо несут на носилках тяжело раненого бойца.

Около штаба скоро образуется сборный пункт для раненых; их перевязывают; они друг друга перевязывают; некоторые перевязывают сами себя.

Вокруг них сейчас же стекается толпа: тут и Дама в платочке, и Сплетник в шляпе, и Сплетница с острым носом. Вид у них торжествующий.)

Дама в платочке. Ну, как дела? Наши побеждают?

1-ый Боец *(угрюмо)*. Какие это—ваши?

Дама в платочке. Ну, конечно же, большевики.

1-ый Боец. Нет, не побеждают.

Дама в платочке. Как жаль...

Сплетница с острым носом. Вероятно, вам тяжело пришлось?

1-ый Боец. А тебе какое дело? Проходи...

Сплетница с острым носом. Почему же спросить нельзя?

1-ый Боец. Проходи... *(Стучит прикладом.)* Уйди!

2 ой Боец. Много таких Иуд по свету ходит. Видел: на вокзале начальник станции крахмальный воротничок надел,—гостей ждут.

3 й Боец. А попы, небойсь, у церкви суетятся, в колокола собираются ударить.

(Тяжело раненый боец стонет.)

4 ый Боец. Павлов стоит. Ничаг, без сознания.

2 ой Боец. Ему, брат, крышка. Всю грудь осколком шрапнели разворотило.

1-ый Боец. А ты отчего босой?

3-ий Боец. Сапог в болоте засосало, некогда было вынимать ..

4 ый Боец. Хоть бы удалось удержаться на последних позициях...

1-ый Боец. Дурак! «На последних позициях»... Да если бы мы немножко надавили бы, мы начесали бы им морду... А ты на «последних позициях»..

(Подходит к дезертирам.)

1-ый Боец. А вы где, сволочи, были?

3-ий Дезертир. Мы сражались...

1-ый Боец. Вы—сражались? Говори—где? Артиллерия ежеминутно стреляла, а вы что делали? Артиллерия стреляет—пехота вперед... А ны за артиллерией прятались? Мы пошли в наступление, а вы? У, шкурники!

(Бьет 3-го Дезертира в грудь.)

3 ий Дезертир. Эй, ты... Я тебе самому... Я тебе дам...

1 ый Боец. Не время теперь, а то мы всех бы вас, скотов, на месте прикончили. Возиться некогда.

2 ой Боец. Тоже Иуды проклятые, не хуже прочих.

(Дама в платочке Сплетнику в шляпе.)

Дама в платочке. Последние спаслись... Бедняжки, такие ужасы, такие ужасы рассказывают...

Сплетник в шляпе. Говорят, никакой надежды, ни малейшей?

Сплетница с острым носом. Вы слышали, что солдаты с позиций рассказывают?..

Дама в платочке. Все кончено. Уж все кончено .. *(к солдатам)* Правда ли, что все кончено?

(Из штаба торопливо бежит посыльный. Он останавливается около Попова.)

Посыльный. Товарищ, вы что же спите тут? Торопитесь... Эвакуация!

(Попов бессознательно оглядывается.)

Попов. Какая эвакуация?

Посыльный. Спешно город эвакуируем...

Попов. Какой город?

(Вокруг них—уже любопытные.)

Посыльный. Да этот же город эвакуируем. Торопитесь домой за вещами: я, может быть, помогу их вывезти.

(Среди толпы распространяется ожесточенное волнение; вскрики и плач женщин; дети цепляются за их юбки; через минуту видны снующие без всякого смысла с разным скарбом фигуры—старики, женщины, дети...)

Голоса. — Господи, Господи! что же будет, за что такое наказание?..

— А муж мой где, муж мой?..

— Маша! Маша! Маша!

— Где бабушка?

— Подушку-то потерял, подбери, подбери же!..

— Куда вы? Куда? Не туда!

Красиков. Жена, деточка моя... Как было чудесно. Она мне, как солнце, светила... Поверите, я не знал, за что мне была такая награда... И вот—вот что пережить пришлось... Теперь уж не увижу больше.

(Плачет. Раздается протяжный заводский гудок.)

2 ой Боец. Рабочих с завода на защиту подымают ..

(4-ый Боец беспокоится, садится, вновь встает.)

4 ый Боец. А что же, белые сюда, что ли, придут?

1-ый Боец. Нет, тебя испугаются.

4 ый Боец. Так, ведь, убьют нас? Скажи, Данила Павлыч... Как же так? Ведь, убьют?

1 ый Боец. Какой, брат, ты до смеха молодой. Понятно, убьют, коли наши товарищи под городом не сдержат. Понятное дело... А ты думал — что?

Василий Вас. Как холодно... Руки дрожат, глаза жжет от бессонницы .. Вот—рядом говорят, а как-будто бы это из другой комнаты .. И пот на лбу каждую минуту... Что же делать? Не могу сообразить.

2-ой Боец. И отчего ты так устал, не придумаю, с какой работы. Вот уж час сидишь без дела.

Василий Вас. Устал...

2-ой Боец. Молчи лучше.

(Пауза. Анна Рогова стонет все громче с перерывами; у ней начинаются роды. Кто-то приходит и бросается на землю спать, завернувшись с головой в шинель.)

1-ый Боец. Кто это?

(Подходит, смотрит под шинель.)

1-ый Боец Из другого полка какой-то. Лицо как-будто видел, а не знаю... Уж спит.

(В городе отдельные ружейные выстрелы; откуда-то издалека — грохот орудий. Красиков беспокойно вскакивает.)

Красиков. Где стреляют? Кто? Я спрашиваю где стреляют? Что же вы молчите?

1 ый Боец Потише говори, покороче.

3-ий Боец. Суровый день зародился... Так тебе и подваливает, и подваливает.

1-ый Боец. Я вот рабочий, при царском режиме политиком на каторге был. Так там у каторжных иванов плясовая песня есть:—Ой вали, вали, вали, ой, навали-вай — вали... Ногами притопывают и кандалами звенят.

(Слышно, как по улице скачет кавалерия; грохот едущей артиллерии.)

2 ой Боец. Последние резервы...

4-ый Боец. Может, сегодня помирать придется. Эх-ма...

1-ый Боец. А ты не думай... Мысль о смерти—она загорается в душе как молния,—разом; а ты—хлоп ее, и потуши. В ежовых рукавицах держи себя без жалости. Иначе—погибнешь.

3-ий Боец. Бабочка какая-то стонет... Никак родит.

Анна Рогова. Бабушка, бабушка... Невыносимо. Родная, тяжко, тяжко... Что это такое?...

Бабушка. Тссс, тише, тише... Пойдем, голубушка моя, пойдем отсюда... Говорила я тебе, говорила ведь, а ты не слушала... Т-сс, ты потихонечку, ты не спеши, за меня покрепче держись... Ничего, все пройдет, все кончится... А ты не бойся, не бойся...

(Уводит ее за забор в соседний дом, откуда время от времени доносятся стоны и крики родов).

(Выстрелы в городе учащаются; орудийный огонь ближе. Толпа растет и все больше волнуется. Красиков в смятении вскакивает.)

Красиков. Что же штаб? Почему он ничего не пред-

принимает? Ну, делали бы что нибудь, решали что-нибудь, мы ничего не знаем...

Василий Вас. Да все равно, нам незачем знать... Но пусть решают немедленно, пусть заставят нас делать что-нибудь... Дадут работу, или драться — что угодно, но только не это страшное бездействие!

(Из караульного помещения штаба доносится взрыв гомерического хохота.)

2 ой Боец. Вишь, комендантская команда гогочет.. Нашла время.

(Два солдата-мальчика выскакивают оттуда и дерутся из-за кулька с сахаром; убегают. Входит девушка. Она растерянно подходит то к одному, то к другому.)

Девушка. Скажите, ради Бога, где он? Он еще в штабе? Умоляю вас, скажите... Он жив?..

3 ий Боец. Кто его знает, жив ли. А тебе кого нужно?

Девушка. Владимира Александровича Славина... Он в штабе..

1 ый Боец. Ну, в штабе, так жив. Там все живые.

Девушка. Но вы уверены? Наверное? Какая мука, как страшно в городе, как тоскливо... Но жив ли, жив ли он? Ведь, я умру, если с ним случится что-нибудь. Я не успела сказать ему. Господи, нельзя ли передать ему... Я его так любила — и никогда не сказала ему об этом... А теперь—поздно, может быть, невозможно навсегда... Боже мой, какая мука! Нельзя ли передать ему?

1-ый Боец. Меня туда не пустят. Просите из штабных кого-нибудь,—вызовут.

(Вваливается беспорядочная толпа бегущих людей—солдат и граждан; лица их искажены страхом. Во главе провокатор; тут же—сплетники и сплетницы)

Провокатор. Обход! Отрезаны! Измена! Товарищи, нас продали! Кровь нашу продали!

Красиков. Что? что? что такое?

Один из толпы. Не знаю.

Красиков. Что же случилось?

Дама в платочке. Ужасно!.. Все погибло.

Дезертиры. Обход!—Отрезаны!—Нас обошли!

(Смятение среди раненых, женщин и детей. Бойцы хватают свои винтовки.)

Провокатор. Долой командующего! Он — изменник!

Дама в платочке. Он потому и остался в городе до сих пор, чтобы предаться белым. Долой командующего!

Сплетник в шляпе. Ловко они работают. Ловкачи! Солдат своих предавать...

Провокатор. Штаб бежал с деньгами! Нас продали! Измена! Измена!

Дезертиры. — Долой штаб!—На штыки его! Смерть предателям! – Долой командующего!

(Ожесточенное движение, крики. Толпа беспорядочно устремляется к штабу. Но там выстраиваются бойцы.)

Бойцы. Назад! Стрелять будем... — Назад! — Назад!

Голоса. — Долой штаб! — Долой командующего!

(Шум все возрастает. На высоком крыльце штаба снова появляется Сомов: с ним двое или трое солдат

с ручными гранатами, которые они готовятся бросить в толпу.

Сомов. Стойте! Стойте! Молчание... Во имя Революции—молчание! Остановитесь!

(За его спиной с грохотом выкатывают пулемет; звякая ружьями, комендантская команда штаба развертывается цепью вокруг штаба. Шум замолкает.)

Сомов. Кто из вас сказал это подлое слово «обход»? Кто из вас сказал, что мы — отрезаны? Кто принес эти отравленные предательские слухи? Кто бросил среди вас мерзкую клевету об измене командующего? Кто здесь низко солгал о том, что штаб бежал с деньгами? Кто? Кто это сказал?.. Это изменники вам сказали!.. Трусы вам сказали! Предатели вам сказали!— Смерть им всем, говорю я!..

(Командующий и чины штаба показываются на крыльце.)

Сомов. Вот вам командующий—он здесь. Вот вам штаб—он здесь. Все на своих постах... А где те негодяи, которые клеветали и лгали вам? Сюда их, сюда их—на суд и смерть!

Голоса в толпе: — Это командующий?.. Верно! — А те—штабные! — А кто говорил про них? — Где он? — Где болтуны? Где они? Сюда их! — Пусть ответят... Сюда их! Да нет их. Они бежали... — А! Бежали? На смерть их! — На штыки их!..

(Командующий поднимает руку.)

Бойцы. —Тише! Тише! Говорит командующий...

(Командующий умышленно не кричит, но голос его ровен и тверд; когда он говорит, он почти неподвижен.)

Командующий. О чем вы шумите? Зачем мешаете нам работать? Вас волнует то, что город может быть сдан? Да, это может случиться. Если интерес Республики, интерес фронта потребуют, чтобы мы сдали город, мы его сдадим. Если интересы Республики потребуют, чтобы мы умерли на подступах к нему, мы умрем. Успокойтесь же. Ни я, ни комиссар,—не побежим от смерти. Идите по домам. Занимайтесь своими делами, успокойте ваших женщин и детей.

(Обращается к солдатам; голос его гремит командой.)

Командующий. А вы, солдаты,—по местам! Я требую. Немедленно! Иначе я другим языком заговорю с вами. Вы слышали?.. Немедленно!

(Поворачивается, чтобы уходить. Сквозь толпу пробирается, запыленный первый ординарец с перевязанной наскоро головой: лицо его сияет оживлением.)

1 ый Ординарец. Товарищ-командующий, позвольте доложить...

(Командующий мгновение пристально смотрит ему глаза.)

Командующий. Доложите.

1-ый Ординарец. Кавалерийский отряд Рогова прорвался сквозь неприятельскую цепь, правый фланг неприятеля смят и бежит, в образовавшийся прорыв ударила наша пехота. Вдали показались войска,—не известно, чьи; разведка не успела сообщить... Товарищ-командующий, наши войска ободрились. Они идут в атаку!

Командующий утомленно закрывает глаза и несколько раз кивает головой).

Командующий. Так. Спасибо.

(Поворачивается и уходит в штаб; чины штаба — за ним. Несколько мгновений длится молчание.)

Сомов. Вы слышали? Все слышали?

(В голосе голоса, постепенно нарастающий гул. Сомов уходит в штаб.)

4 ый Боец. Здорово. Значит, прорвали наши? Побежали белые, курицыны дети? Я говорил!

2 ой Боец. Что ты говорил? Ты помнишь, что ты говорил?

4 ый Боец. Вот про это самое... Я-то.

2 ой Боец. Ты-то? Тебя бы по башке сундуком, фефела!

1 ый Дезертир. Всякому ясно, что с самого начала кавалерию надо было послать. Дело верное ..

1 ый Боец. За тобой и кавалерия не поспела бы, так ты резво улепетывал.

(Начинается радостное возбуждение среди солдат. граждан, женщин, детей и стариков; все побросали на землю вещи, которые таскали, остановились.)

Голоса. — Правда ли? Да верно ли? — Слава тебе, Господи! — Да кто рассказал это все? Может быть, брешут? — Поди ты! Сам я слышал, командиру докладывали.

(Дама в платочке осторожно появляется.)

Дама в платочке. Говорят, хорошие вести с фронта? Как я рада, как я счастлива...

(Входит Сплетница с острым носом.)

Дама в платочке *(к ней)*. Анна Марковна, какая радость! У наших дела на фронте поправляются.

1-ый Боец. У каких это «ваших»? Ты уж опять тут? Ваши теперь по полю дерут, как телята, задрав хвосты кверху.

Сплетница с острым носом. Вот нечаянная радость... Побегу рассказывать.

Дама в платочке *(тихо ей)*. Муж погоны приготовил,— скажи ему, чтобы подальше спрятал на чердак, пока не пригодятся.

Василий Вас. Нет ли у кого-нибудь кусочка хлеба, товарищи? Мне очень что-то поесть захотелось.

(Приезжает с позиции второй ординарец с пакетом, быстро направляется к штабу; его останавливает Девушка).

Девушка. Вы в штаб? Пожалуйста, если возможно.. На минутку попросите Славина, на одну только минуту, не больше... Я вас прошу.

2-ой Ординарец. Хорошо, если увижу.

(Уходит в штаб. Девушка ходит в нетерпеливом ожидании. Второй ординарец возвращается).

Девушка. Вы его видели?

2 ой Ординарец. Да. Сейчас придет.

(Его обступает толпа).

1 ый Боец. Ну, как дела? Что,—сильно потрепали их? Вы откуда посланы?

2 ой Ординарец. Из отряда Рогова... Мы их нежданно во фланг ударили, смяли их, заскакали в тыл,— и пошла потеха. Ничего не видно, и стрельбы почти не было,—один волчий вой, да лязг сабель, да свалка;

зубами друг друга грызли. С этого началось. А потом пехота наша ударила в штыки.

1 ый Боец. Ну, и здорово?

2 ой Ординарец. На целом участке смяли.

Красиков. Кажется, спасемся. . Кажется, вырвемся. . За что, за что награда, данная мне судьбой? Опять жену увижу, деточку мою...

1-ый Боец. Значит, победим, товарищ?

2-ой Ординарец. На это надеемся.

(Входит Славин. Он быстро направляется к Девушке; она протягивает ему руки).

Девушка. Вы... Вы .. Все благополучно?.. Господи,— как в сказке...

Славин. Да, кажется, благополучно.

Девушка. Вы целы, невредимы? Неужели это может быть? Весь город вдруг всколыхнулся. Все заговорили, что наши дела поправляются, что мы начинаем побеждать... И я подумала, что мне можно на минутку увидать вас... Вы не сердитесь, нет? Ради Бога...

Славин. Спасибо, спасибо...

(Где-то недалеко беспорядочная стрельба залпами: толпа вздрагивает и бросается смотреть — что там.)

Девушка. Почему же опять стрельба? Разве еще опасно?

Славин. Солдаты стреляют от радости. И стреляют— так ни во что, во весь мир, от опьяневшего сердца. Слышите — еще!.. Стреляют—и звуки их выстрелов еще больше пьянят их. Слышите—запели что-то!

(Сомов выходит на крыльцо штаба.)

Сомов. *(кричит ординарцу)*. Прекратить бесполезную стрельбу! Патронов не тратить! *(Уходит обратно в штаб. Молчание.)*

Славин. День-то, день какой прекрасный, как сияет солнце.

Девушка. Да...

Славин. И вы, и вы пришли ко мне? Спасибо... С новой радостью я сейчас вернусь к работе. Из-за мучительной усталости я совсем потерял всякое представление о смысле моих страданий, и только теперь— от этих радостных выстрелов, от того, что вы пришли, от того, что так сияет солнце,—только теперь я опять понимаю этот смысл и чувствую новую силу и энергию.

(Толпа понемногу возвращается.)

Славин. Мне нужно итти, там ждет работа.

Девушка. Идите, идите...

Славин. До вечера?

Девушка. Да...

(Он уходит в штаб; с крыльца штаба он еще раз оборачивается.)

Славин. До вечера?

Девушка. Да, да... До вечера. *(Шепчет себе.)* Только до вечера...

(Из соседнего дома доносится последний жаркий крик Анны Роговой. Бабушка показывается у раскрытого окна.)

1-ый Боец. Эй, бабка! Человек, что ли, родился там?

Бабушка. Мальчик родился, солдатик, мальчик это.

1-ый Боец. Чей мальчик?

Бабушка. Да Рогова мальчик, его мальчишка.

1 ый Боец. Раз мамаша так здорово кричала, так и мальчишка здоров будет... Не журись, ребята, коли вас убьют,—вместо вас новые солдаты растут.

(Грохочат музыка; трубы, барабаны. Подходят прорвавшиеся сквозь неприятельскую цепь войска; топот кавалерии. Слышны крики народа, встречающего их.)

Крики. — Ура! Ура!—Да здравствует Революция!— Да здравствует товарищ Рогов! — Да здравствует победа! — Ура! Ура!

(Все рады, все воодушевляются; женщины обнимаются. приветствуют проходящие войска. Входит Рогов. Крики становятся сильнее и единодушнее.)

Крики. — Да здравствует Революция! — Смерть врагам! — Да здравствует победа! — Да здравствует товарищ Рогов! — Да здравствует Красная Армия!

(**Бабушка** *бережно подносит Рогову завернутого ребенка.)*

Бабушка. Ребенок твой, сынишка. Только что родился... Погляди-ка.

(**Рогов** *неловко и робко берет его.)*

Рогов. Сын мой, сын мой... Я все-таки—тебя увидел. Я не надеялся... А мать?

Бабушка. Она здорова.

(Входит ординарец.)

Ординарец *(Рогову).* Командующий просит вас к себе.

(Рогов быстро передает ребенка бабушке и уходит в штаб).

4-ый Боец. Елки зеленые... Так окончательно выходит, что мы победили? Вот так штука... А я не надеялся.

2-ой Боец. У тебя ножки шибко тонкие.

(Тяжело раненый Боец вдруг поднимается на носилках и садится; глаза его пылают горячечным огнем.)

Тяжело раненый Боец. Братцы... Товарищи... Слышу я—победа... Други, правда ли?

1 ый Боец. Правда. И еще победим! И еще победим. Мы, брат, такую коммуну учредим, что у нас против нее ни одна собака не посмеет тявкнуть.

(Тяжело раненый Боец встает на ноги; голос его звенит.)

Тяжело раненый Боец. Други, прощайте... Час мой пришел. Кровь меня душит... Умираю... Сладко мне слышать о победе. Братцы-товарищи, деритесь храбро, до последнего конца... Други, тяжко мне...

(Умирает. 1-ый Боец подходит к нему.)

1-ый Боец. Скончался.

(Музыка; крики народа.)

К О Н Е Н.
БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА
ЛЕНИНА

Горе от ума—А. С. Грибоедова. Ред. П. П. Гнедича. Цена 5 руб.
Дар мудрых пчел—Федора Сологуба. Цена 3 руб 50 коп.
Добрый барин—А. Н. Островского. Цена 3 руб.
Его величество Трифон—Дм. Чижевского. Цена 12 руб.
Жареный гвоздь—А. Погоского. Цена 3 руб.
Игроки.—Тяжба.—Лакейская.—Н. В. Гоголя. Цена 8 руб.
Мельник колдун, обманщик и сват—А. О. Аблесимова. Цена 3 руб.
На песках—Трофимова. Цена 3 руб.
Неосторожность—И. С. Тургенева. Цена 3 руб. 50 коп.
Несмеяна—Н. Юрьина-Бенедикта. Цена 6 руб.
Одноактные пьесы: 1) Солдатская любовь, 2) Пленный турок, 3) Доктор на полчаса, 4) Милорд Георг—Ивана Щеглова. Цена 5 руб.
Осенняя скука—Н. А. Некрасова. Цена 3 руб.
Первый винокур—Л. Н. Толстого. Цена 3 руб.
Псковитянка—Л. Мея. Цена 5 руб.
Свадьба.—Юбилей.—О вреде табака—А. П. Чехова. Цена 4 руб. 50 коп
Стенька Разин—Василия Каменского. Цена 10 руб.
Сцены из народного быта—И. Ф. Горбунова. Цена 3 руб. 50 коп.
Там, где смерть—Алексея Окулова. Цена 4 руб. 50 коп.
Трагедия о Иуде, принце Исхариотском—Алексея Ремизова. Цена 10 р.
Чужое добро в прок не идет—А. П[illegible]ина. Цена 4 руб.

ИНОСТРАННЫЙ ТЕАТР:

Арлезианка—Альфонса Додэ. Цена 5 руб.
Гибель Надежды—Германа Гайерманса. Пер. П. Теплова. Цена 6 руб.
Два болтуна—Мигеля Сервантеса. Цена 1 руб. 50 коп.
Игра интересов—Хасинта Бенавенте. Цена 3 руб
Лассаль—Сем-Бенелли. Цена 8 руб.
Любуша—Франца Грильпарцера. Цена 15 руб
Новая драма (Бедный Иорик)—М. Тамайо-и-Бауса. Цена 10 руб.
Оливы—Лоппе-де-Руэда. Цена 1 руб
Пугачев—Карла Гуцкова. Цена 3 руб. 50 коп.
Ревнивый старик—Мигеля Сервантеса. Цена 1 руб. 50 коп.